

Василий ВАШКОВ,
завуч средней школы
№ 1004 г. Москвы

Судьба реформы —

Любители круглых дат и цифр как-то упустили приближающийся юбилей.

Не погружаясь в постоянно изменяющиеся глубины прошлых столетий, можно сказать, что в очередной раз приступ реформирования образования начался примерно 20 лет назад — в начале 1980-х годов XX столетия. Именно тогда в постановлениях съезда КПСС, в решениях правительства замелькали слова о необходимости реформы системы среднего образования.

Начало перестройки и ее последствия отодвинули проблему на задний план, но реформаторский зуд, как чесотка, затирает, да не проходит. И вот нам предлагается новый, третий за последние 10 лет проект реформ, направленный на устранение недостатков. Каких? Да все тех же, что и 20 лет назад: отсутствие практической направленности, слабое усвоение учащимися школьных программ, низкая социальная защищенность учителей, и еще добавился кадровый кризис.

Давайте взглянем на проблемы школы не с высот здания на Охотном ряду, а изнутри.

Сколько денег получает школа? С точки зрения Правительства, вполне достаточно. А с точки зрения школы?

В каждой школе есть документ, называемый в просторечии "Тарификация". В нем детально прописано, сколько и за что получают все работники школы в месяц в этом учебном году, в конце — итог. В нашей школе там стоит цифра 800 тысяч рублей. В год — 9,6 миллиона. Есть, правда, еще коммунальные расходы, приблизительно миллион в год. Итого — одиннадцать. А сколько выделяется на наших детей государством? К сожалению, свежих данных у меня нет, но в 2001 году на одного учащегося государственного образовательного учреждения г. Москвы выделялось от 17 323 рублей в общей школе и до 33 000 рублей в лицее. (Данные МДО.) Правда, финансирование шло не 100 процентов, а на уровне 60–70 процентов, но и это составляло от 11 260 до 21 450 рублей реальных денег на ребенка в год. У нас есть и лицейские и гимназические классы, возьмем 15 000 рублей. За прошедшие четыре года финансирование выросло чуть не в два раза, значит, сегодня — что-то около 30 000. В школе 1100 учащихся, что составит 33 миллиона рублей. Сопоставьте эти цифры: 11 и 33. На конкретную школу тратится только 33 процента выделяемых на ребенка средств. Конечно, расчет очень приблизительный, но, как ни крути, минимум 60 процентов выделяемых на обучение ребенка средств до ребенка не доходят. Попади эти средства в школу, может, и реформа бы не понадобилась? Где же они? Хорошая задачка для Счетной палаты или Министерства образования и науки.

Кто управляет современной школой? Минобразования связь с школами утратило давно. Вертикаль власти, столь любимая нынешним Правительством, в случае среднего образования представляет собою не гордый перпендикуляр, а муторную пыльную лаутину хитросплетенных промежуточных звеньев.

На сегодняшний день московская школа, например, взаимодействует с десятком инстанций, Минобразования среди которых нет и в помине. Впрочем, слово "взаимодействует" — лишь стыдливая замена слову "подчиняется", то есть получает от них указания, отсылает отчеты, сведения и т. п. Это

— окружное управление, бухгалтерия, Ресурсный центр, Методический центр, городской Департамент образования, контрольно-ревизионные управления различных уровней (включая Минфин), службы аттестации и лицензирования, Пенсионный фонд, налоговые инспекции, Комиссия по делам несовершеннолетних, районная управа... Все они никак не влияют на обучение детей, а заняты лишь одним — проверкой школ. Впрочем, и проверкой это назвать нельзя, там работают люди, не имеющие никакого представления о школе. В конце концов, все сводится лишь к предоставлению бумаг, оформленных по правилам, придуманным самими этими бюрократами. Школы просто трясут от бумажной лавины и навязанной им бюрократической возни. Но самое обидное, что большинство этих структур существует именно на школьные деньги, а то и контролирует поступление денег в школы. Может, именно в этой паутине исчезают те самые 60 процентов?

Предельно бюрократизированная, переполненная промежуточными звеньями система управления — вот главная проблема сегодняшней школы!

Школы управляются не министерством, а могучим сонмом бюрократов промежуточного звена, для большинства которых обучение детей — досадная помеха в их очень важной государственной деятельности. Именно эта бюрократическая камарилья — основная причина снижения качества образования. А качество действительно снизилось, это вам скажет любой учитель.

Бюрократ, смысл существования которого заключен только в нем самом, старается хоть как-то проявить себя. Не умея работать (многие из них в свое время просто сбежали из школ), он улучшает качество по-своему. Как можно улучшить качество обучения? Любой учитель ответит: "Надо больше заниматься", любой бюрократ: "Надо ставить более высокие отметки".

Профильная школа. Пожалуй, самая разумная из всех идей, предлагаемых реформой. Соб-

ственно, она вызрела отнюдь не в недрах министерств и ведомств. Ее создали сами школы, формируя в течение десятилетий на III ступени обучения специализированные классы с углубленным изучением отдельных предметов. Только если раньше школам приходилось делать это за счет выделения дополнительных часов, не сокращая основную нагрузку, то проект министерства предусматривает 11 разных учебных планов, по 11 профилям, без перегрузки учащихся, за счет резкого сокращения объема непрофильных предметов. Проект хорошо проработан, но должен бы был оставаться пока что только проектом, так как для него нет комплектов учебников, не разработаны программы, кроме того, успешно реализоваться он может только при отделении профильной школы от школ I и II ступеней. Действительно, одна профильная школа на десять обычных могла бы собирать всех старшеклассников, открывая 20–30 классов по всем профилям, наряду с общеобразовательными. Это дало бы учащимся возможность сделать реально свободный выбор, в соответствии со своими склонностями и возможностями. Но это требует денег, а "свои" деньги бюрократия тратить не любит.

В результате профильная школа была трансформирована в "профильное обучение". Эта безобидная на первый взгляд подмена изуродовала идею до неузнаваемости, приводя к совершенно противоположному эффекту.

Обычная школа может в лучшем случае открыть один-два профиля, да и то не всегда, только если она обладает соответствующими кадрами. Кроме того, открытие, например, физико-математического профильного класса ставит детей, предпочитающих, скажем, естественные или гуманитарные науки, перед выбором: или долбить ненавистную математику в сильном классе, или идти в слабый, общеобразовательный, или уходить в другую школу. Но уходить из родных стен не хочется, да и найти школу, скажем, с оборонно-спортивным или художественно-эстетическим профилем вряд ли удастся. В результате свободный выбор превращается, мягко говоря, в несвободный. Кроме того, желая отличиться, бюрократия взялась внедрять профильное обучение медленно. Начиная с этого учебного года, ряд школ объявлены профильными. Без программ, учебников и необходимых кадров они барахтаются в омуте бюрократического волюнтаризма. Одна из директоров такой школы рассказывала, как от них потребовали срочно составить программы для профильного обучения и предоставить их в вышестоящие инстанции.

Кадровый кризис. Современная школа испытывает острейший кадровый голод. Педагогический состав до предела феминизирован и стар, средний возраст учителя приближается к 50. Притока молодежи практически нет. Школа пополняется в основном за счет людей среднего возраста,

В руках учителя

с высшим, но не педагогическим образованием, не сумевших адаптироваться к реалиям современности. А ведь именно кадры — определяющий фактор успеха. Чтобы успешно учить, учитель должен быть высокопрофессиональным и являться образцом, с которого ученик захочет брать пример. Образцом, когда слово "учитель" стало синонимом слова "неудачник", быть невозможно, а профессионализм в среднем крайне низок. Практически отсутствуют специалисты, способные вести углубленные и интегрированные курсы в профильной школе. Это тем более парадоксально, что существует огромная система подготовки и повышения квалификации этих самых кадров.

Только в Москве четыре огромных и множество мелких вузов ежегодно выдают дипломы по специальности "учитель". АПКПРО, МИОО, МВТУ и многие другие заняты повышением квалификации учителей, а ситуация становится все хуже. РАО и научно-исследовательские институты развивают педагогическую науку, а ничего не меняются. Почему?

Причин много, но главная заключается в том, что весь этот механизм функционирует как бы сам по себе, он никак не связан с производством конечного продукта — обучением ребенка, а направлен только на повышение собственного финансового благополучия.

Из выпускников педагогических вузов только 10 процентов доходит до школ, половина из которых уходит уже в течение первого года работы. Те самые деньги, которые не доходят до школ, используются здесь достаточно оригинально: 90 процентов убытков! Но убытки одних — прибыль других, частные фирмы получают хорошо образованных специалистов, не тратя на это ни копейки. Но почему за счет нищей школы?!

"Спасение утопающих — дело рук самих утопающих". Не умея рационально распорядиться существующими средствами, реформаторы вот уже в который раз пытаются привлечь в школу деньги родителей. Предлагается оставить бесплатным лишь базовый набор знаний, все остальное — за плату. Не нужно быть пророком, чтобы однозначно сказать: "Ничего путного из этого не выйдет".

Попытки коммерциализации школ ведутся давно. Но! Организация законным путем школой дополнительных платных образовательных услуг требует такой юридической, финансовой и налоговой мороки, что выходит себе дороже. Кроме того, на запах "живых" денег словно мухи на мед моментально слетаются сонмы проверяющих, в глазах которых типографским слогом отпечатано лишь одно: "Делитесь!" Родители и учителя предпочитают договариваться и рассчитываться непосредственно друг с другом. Так получается заза в два дешевле.

Попечительские фонды, призванные собирать добровольные пожертвования родителей, казались вначале благой и очень разумной идеей. У школ, казалось, появилась возможность иметь "вои", "живые" деньги, а не выпрашивать их годами у бюрократических структур. Только какой же правитель выпустит из рук финансовые вожжи? При органах управления были быстро открыты некие крупные фонды, в которые и согнали все мелкие школьные попечительские фонды. Сгоняя и по-разному — кого лаской, кого таской. Теперь пожертвованные родителями на нужды своей

школы деньги проходят через банки, фонды и наконец возвращаются в эту же школу, "похудев" на 40 процентов! Узнав об этом, одна из наших мам на собрании воскликнула: "Я не хочу, чтобы заработанные мною деньги доставались неизвестно кому! Я лучше их вам прямо отдам!" И отдают. Вернее, просто закупают то, что нужно, а потом дарят школе. И правильно делают.

Так что попытка заставить родителей частично оплачивать изучение предметов ни к чему не приведет. Обладая теперь определенным опытом, они просто откажутся кормить бюрократических бездельников, а станут по старинке нанимать репетиторов. Так оно надежнее, да и честнее.

Все вышесказанное мною может привести к грустной мысли, что ничего изменить нельзя, да и надо ли?

России нужна современная школа. Развитие общества идет таким образом, что наиболее дорогим товаром становятся не природные ресурсы, а интеллектуальные ценности.

Надо.

России нужна современная школа. Развитие общества идет таким образом, что наиболее дорогим товаром становятся не природные ресурсы, а интеллектуальные ценности. Кто сегодня наиболее успешен? Конечно, это и нефтяные магнаты, но и Билл Гейтс с его компанией "Майкрософт". Что они производят? Интеллектуальные ценности! Что используют? Только интеллект!

Тенденции развития совершенно очевидны, наиболее успешными будут наиболее образованные нации. Поэтому сегодняшняя наша молодежь должна получать не просто хорошее, а отличное образование. Деньги могут обесцениться, природные ресурсы иссякнуть, промышленность развалиться, а вот уровень образования у нации отнять невозможно. И главное действующее лицо тут — учитель.

Только учитель сможет реформировать школу.

Если захочет.
А он не хочет!

Это и есть вторая сила, противостоящая реформаторам. Учителя реформ не хотят, хотя и понимают их необходимость. Они точно знают, что все реформы приводили только к одному результату — ухудшали и без того не лучшую ситуацию. И долго еще после очередной реформы им приходилось все налаживать, приводить в порядок. "Оставили бы они нас в покое, — вот лейтмотив всех учительских разговоров о реформе. — Не трогали бы нас, мы бы и сами все, что надо, сделали!" Учитель не верит ни своим органам управ-

ления, ни власти. По поводу новой тарифной сетки еще до ее публикации мнение было единым: "Они опять хотят нас ограбить!" По поводу сокращения предметов: "Им не нужен умный народ, они хотят, чтобы мы выпустили идиотов".

Кто такие "они"? Боюсь, что все те, кто, не работая в школе, лезет ею командовать.

Чтобы создать новую школу, **во-первых**, абсолютно необходимо упразднить нынешнюю систему управления. Нынешняя провести реформы все равно не даст, они ей не интересны и не выгодны. Не "модернизировать" систему управления, а упразднить полностью. Необходимо, чтобы школы были самостоятельны, в разумных пределах, и подчинялись напрямую только министерству, без всяких посредников.

Финансирование школ должно быть таким же прямым и прозрачным, без посредников, естественно, с такой же прямой и прозрачной отчетностью. Не нужно ждать, пока граждане России, как та мама, воскликнут: "Мы не хотим кормить на наши деньги бездельников!"

Во-вторых, нужно завоевать доверие учителя. Без их поддержки любые реформы закончатся так же, как русский поход Наполеона. Хорошо если без пожара Москвы. Восстановить доверие людей к власти — дело долгое, кавалерийским наскоком тут не обойдешься. "Поднять благосостояние учителя" — прекрасная цель, провозглашаемая новым проектом, вот только, боюсь, с помощью достаточно путаной отраслевой тарифной сетки этого добиться не удастся. Скорее это приведет к повторению ситуации, связанной с монетизацией льгот.

И только после выполнения первых двух условий нужно стойко и целенаправленно перестраивать школу, не бросая все на полпути.

Школа давно требует разделения. Во всяком случае, классы III ступени отделить нужно обязательно, создавая именно профильную школу, а не тришкин кафтан. ЕГЭ, вокруг которого ломается столько копий, вполне может существовать на альтернативной основе с уже сложившимися формами, а не навязываться в качестве единственно возможного.

Подготовка педагогических кадров должна быть только целевой и на договорной основе.

Можно еще долго перечислять, что нужно сделать, но это уже совсем другая тема.

Отчего же не была осуществлена ни одна предыдущая реформа, да и нынешняя вызывает скептические улыбки? Причина тут скорее всего в том, что авторы всех реформ давно утратили непосредственную связь с реалиями того объекта, который собираются реформировать. И специальности у них зачастую совершенно другие, да и критерии оценки полезности того или иного изменения отличаются. Говорю об этом не с чужих слов. Года три назад одна из рабочих групп Государственной Думы привлекала меня в качестве консультанта именно по вопросам школы. Мы готовили документы и "круглый стол" "Политика партии "Единая Россия" в области образования". Группа была достаточно представительная, но от школ я был один. Так вот, во время ее работы все предложения оценивались в первую очередь с одной позиции: "Какое это будет иметь политическое звучание?" Я не политик, я — учитель, но точно знаю один закон, подмеченный еще дедушкой Крыловым: "Беда, коль пироги начнет печи сапожник..."